

«Кайен» сразу свернул к горе Баоцзин. Приближался Праздник середины осени, и вокруг разливался густой аромат оранжевого и золотистого османтуса.

Тань Юмин направился напрямиком в комнату Шэнь Цзунняня. Переодевшись, он осторожно забрался на кровать. Из-за непрерывной беготни его тело давно утратило способность нормально спать. К тому же он до смерти боялся пропустить хоть один звонок с зацепкой от поисково-спасательного отряда.

Тань Юмин легонько свернулся калачиком под одеялом Шэнь Цзунняня и зарылся в него лицом. Словно зверек, ищущий свое логово, он понемногу втягивал носом воздух. Но запах Шэнь Цзунняня всё равно становился всё слабее и слабее.

Тань Юмином овладела паника. Он вскочил, подбежал к шкафу и распахнул его. Как и в каждую из предыдущих бессонных ночей, он судорожно сгреб одежду Шэнь Цзунняня и прижал её к себе. Но этого оказалось мало. В помутненном состоянии он сам забрался в шкаф, и только тогда почувствовал толику спокойствия.

Неизвестно, сколько прошло времени. Тань Чжуншань и Гуань Кэчжи тоже вернулись с морской торговой выставки. Они осторожно постучали в дверь комнаты, но ответа не последовало.

Гуань Кэчжи хотела спросить, ел ли он и не хочется ли ему чего-нибудь, но в ответ царила тишина. Супруги с тревогой постояли у двери еще немного, но в итоге так и не решились побеспокоить его снова.

На следующий день Тань Юмин отправился на совещание в «Хуаньту». Проект в районе Лайчикок вот-вот должен был стартовать. Поскольку Шэнь Цзунняня не было, Тань Юмин взвалил все совместные проекты на свои плечи.

В многофункциональном конференц-зале Чжун Маньцин еще раз проверила документы. Подняв голову, она на мгновение замерла в растерянности.

Спокойный профиль, безучастное выражение лица, знакомый пиджак с заостренными лацканами поверх черной рубашки. Она даже подумала...

Но, приглядевшись, она успокоила всколыхнувшиеся эмоции.

Тань Юмин прошел к главному месту. Без привычных светских бесед для разогрева он сразу велел топ-менеджерам начинать отчет.

Благодаря тому, что в свое время Шэнь Цзуннянь преодолел всеобщее сопротивление и провел глубокую реформу структуры власти, механизмы работы в «Хуаньту» были выверенными и систематизированными, не зависящими от единоличного управления. Шэнь Цзуннянь

отсутствовал, но снаружи компанию поддерживали Тань Юмин и Чжао Шэнгэ, а внутри ситуацией управляли доверенные лица Шэнь Цзунняня и Чжун Маньцин. Тань Цзуи, как ключевой кандидат на повышение, тоже быстро набиралась опыта. Всё шло своим чередом.

Совещание прошло так же кратко и эффективно, как и при Шэнь Цзунняне. Господин Тань больше не играл роль «добротого следователя». Он докапывался до мельчайших деталей, задавал четкие и лаконичные вопросы, проводил решительный и глубокий анализ. Директор по операциям несколько раз ловил себя на том, что впадает в ступор от удивления.

В манере говорить, держаться и вести дела он был бесподобен. «Хуаньту» потеряла господина Шэня, но обрела господина Таня, который ни в чем ему не уступал.

— Вы отлично потрудились. Помощник Ян принес закуски из ресторана «Пинхай». После собрания можете угоститься, — сказал Тань Юмин.

Он встал и надел тот самый пиджак с заостренными лацканами. Пиджак был не его размера, немного широковат, отчего фигура Тань Юмина казалась еще более поникшей и истощенной.

Знакомый с ним директор по маркетингу с улыбкой сказал:

— Господин Тань, оставайтесь с нами на обед! Тетушки в столовой будут просто счастливы.

Господин Тань был хорош собой и вызывал всеобщую симпатию. Раньше, когда господин Шэнь приводил господина Таня в столовую для сотрудников на ужин во время сверхурочных, все так и вытягивали шеи, чтобы на него посмотреть.

Тань Юмин на мгновение замер. Не улыбувшись, он тихо ответил:

— В следующий раз.

Это не было отговоркой. Тань Юмин с превеликим трудом наконец-то добился встречи с мастером Сюань Лином. Сюань Лин находился в затворе и не принимал гостей, но Тань Юмин был настолько настойчив, что монах не выдержал и сделал для него исключение.

В храме Тяньхоу изящно цвели кувшинки. Статуя богини Мацзу взирала на мир с добрым и милосердным лицом.

Тань Юмин молил богов и Будду. На его лице не осталось и следа той жесткой решительности, что была в конференц-зале. Лишь жалкая, отчаянная набожность. Словно смертельно больной, для которого нет лекарств, он достал расколотый нефрит и талисман судьбы:

— Я отдам свою жизнь, всё, что у меня есть, в обмен на него.

Сюань Лин посмотрел на него и тихо покачал головой.

— Десять лет моей жизни.

Сюань Лин молчал.

— Двадцать лет.

— Тридц...

— Благодетель Тань, — Сюань Лин смотрел на него с состраданием, так же, как когда-то смотрел на того маленького мальчика, которому подарил нефрит.

Тань Юмин опустил голову и помолчал. Затем хрипло произнес:

— Тогда пусть он не возвращается ко мне, — он решил умерить свою жадность.

— Лишь бы он был жив и здоров.

Сюань Лин вздохнул:

— В этом мире нельзя ни за что цепляться слишком сильно, благодетель Тань.

— Этот бедный даос, без ложной скромности, видел, как вы выросли вот с такого роста до нынешних дней. Ваша судьба тесно связана с небесными чертогами. Ваш дед всё равно дал вам имя Юмин, надеясь, что даже оказавшись в болоте, пройдя через бесконечные горы и реки, вы продолжите верить, что за темными ивами скрываются яркие цветы.

— Отпустив себя, вы отпустите и Небо, и Землю. И тогда, когда придет время, вы снова увидите перед собой путь.

Тань Юмин не знал, действительно ли за темными ивами его ждет новый путь. Он знал лишь одно: он дошел до самого края, до обрыва, и дальше дороги нет. В полном оцепенении он в смятении поднялся и попрощался.

Перед воротами храма сновали люди. Раньше он не ведал благоговения, а теперь боги и Будды глухи к его мольбам.

Какой-то паломник случайно задел его, и красная нить с расколотым нефритом выпала из рук. Тань Юмин в панике наклонился, чтобы поднять их. Кто-то наступил ему на тыльную сторону ладони. Он не почувствовал боли, но ботинок едва не раздавил нефрит. Тань Юмин тут же

вскинул голову и яростно уставился на обидчика.

Простая женщина с бледным ребенком робко смотрела на него и извинялась.

Тань Юмин оторопел и слабо покачал головой.

Перед воротами Будды неважно, беден ты или богат. Жизнь и смерть, счастье и беда — все просят о том, чего не могут получить. Перед лицом страданий все живые существа равны.

Тань Юмин сел в машину. Он прекрасно понимал, что молиться уже поздно, но всё равно зажег лампы за здравие в сорока семи больших и малых храмах Хайши.

Одна тысяча шестьсот тридцать две лампы. Он лично возжег благовония и зажег каждую из них, опускаясь на колени и кланяясь после каждой.

Каждое пятнадцатое число лунного месяца огни от горы Баоцзин до Епископской горы сливались воедино, освещая все вершины. Туристы, смотревшие фейерверки в бухте Виктория издали, думали, что на противоположном берегу проходит фестиваль фонарей.

Аромат оранжевого османтуса на горе Баоцзин становился всё гуще — близился Праздник середины осени. Осеннее небо в Хайши всегда напоминало огромный эмалево-синий купол. Баньяны, пальмы и аир зеленели так сочно, что казалось, с них вот-вот закапает сок, а махровые западные азалии цвели здесь круглый год.

Тысячи семей готовились радостно отметить праздник полнолуния. В «Хуаньту» и «Пинхэ» сотрудников отпустили с работы на полдня раньше. Тань Юмин вернулся на гору Баоцзин. В этот раз он собирался в одиночку почтить предков и поднести дары Будде.

Взяв лунные пряники для подношений и красные свечи, Тань Юмин направился к семейному храму. Вдруг его шаги замедлились. Ветка османтуса и ритуальные слитки из золотой бумаги медленно выскользнули из его рук и упали на землю.

Тот самый мелколистный фикус, который они посадили вместе с Шэнь Цзуннянем, неизвестно когда успел засохнуть. Его плоды осыпались в землю, а обнажившиеся корни выглядели иссохшими, уродливыми и безжизненными.

Кадык Тань Юмина дернулся. Он опустил на корточки, погруженный в неведомые мысли.

Он отсутствовал слишком долго. Тань Чжуншань и Гуань Кэчжи, обеспокоенные его долгим отсутствием, пришли искать его на задний двор и увидели, как их сын разговаривает с мертвым деревом.

Тань Юмин словно лишился души. Он нежно гладил сухие ветви фикуса и что-то бормотал себе под нос.

Глаза Гуань Кэчжи внезапно покраснели, ее охватила скорбь. Тань Чжуншань прижал руку к ее спине, поддерживая, но не мог произнести ни слова.

Два его ребенка были словно две ветви одного симбиотического дерева: их корни сплелись, а жилы срослись. Если отмирала одна ветвь, другой тоже было не выжить.

Шэнь Цзунняня не было, и у семьи Тань не было настроения устраивать пышный банкет в честь Праздника середины осени. Все просто собрались вместе на скромный семейный ужин.

Старая бабушка слегла и болела больше полумесяца из-за исчезновения внука, а дедушка не отходил от ее постели. Оба старика чувствовали себя неважно.

— Дедушка, поешь еще немного. Попробуй этот суп с кордицепсом, он помогает уснуть и очень вкусный, — уговаривал Тань Юмин.

С улыбкой он предлагал гостям отведать свежие побеги лотоса, говоря, что их только вчера собрали в домашнем пруду. Казалось, он был всё тем же очаровательным юношей, что и раньше.

Семья Тань была очень сплоченной. После того как с Шэнь Цзуннянем случилась беда, родственники долгое время изо всех сил помогали чем могли.

Каковы бы ни были их мотивы, потраченные людские, материальные и финансовые ресурсы были вполне реальными. Кое-кто даже через десятые руки помог ему связаться с пиратами, промышлявшими вблизи международных вод, ведь эти люди лучше разбирались в сложных островных лабиринтах и течениях...

Тань Юмин уже стал главой семьи. Как бы ни было изранено его сердце, он мог с улыбкой приветствовать гостей и выражать им должную благодарность.

В этой семье сломаться мог кто угодно, но только не он. Человек, которого он ждал, еще не вернулся домой.

Развлекая гостей и наливая им чай, Тань Юмин вспомнил тот скандал, который он устроил месяц назад на семейном ужине в честь Праздника голодных духов, и понял, насколько глупо он себя тогда вел.

Он выместил свой гнев на Шэнь Цзунняне, который вообще ни в чем не был виноват. Старшие родственники просто хлопотали по заведенному порядку. Иметь скрытые мотивы — в природе человека. И только из-за собственной глупости, вспыльчивости и гиперчувствительности ему

казалось, что это непростительно.

Он слишком сильно ошибался. Поэтому понес наказание и заплатил за это цену. И теперь грех было жаловаться на несправедливость судьбы.

В конце ужина тетушка подала пасту из красных бобов — Тань Юмин специально попросил ее приготовить.

У Шэнь Цзунняня почти не было любимых блюд. Как Тань Юмин ни вспоминал, на ум приходило только это. Ведь в прошлом Шэнь Цзуннянь всегда подстраивался под его вкусы: доедал то, что Тань Юмин забраковал, допивал вино, которое он не смог осилить.

Тань Долэ тоже любила эту сладость и сказала, что паста очень сладкая.

— Правда? — переспросил Тань Юмин. Но горечь с кончика его языка и из горла проникала в самое сердце.

В памяти до сих пор стояла картина, как Шэнь Цзуннянь делил между ними пиалу десерта «Ветвь ивы». Не по годам смысленная Тань Долэ не знала, что сказать дяде, и тем более не смела спрашивать, когда вернется дядя Цзуннянь. Она просто положила ему в пиалу один сладкий шарик из своей порции.

Тань Юмин улыбнулся ей.

Сидевший на другом конце стола дядюшка Тань Цичжэн смотрел на улыбку племянника. В ней было вдоволь степенности, но больше не осталось той былой искренности и сияния.

По сравнению с тем незрелым юношей, что был на Празднике голодных духов месяц назад, в этот Праздник середины осени Тань Юмин наконец-то стал настоящим, достойным главой семьи. Он заботился о стариках и детях, успокаивал людей, вел себя безукоризненно. Вот только...

Цветы всё так же прекрасны, а луна полна, но людей уже не вернуть.

Ни у кого не было настроения любоваться луной, поэтому праздничный ужин закончился рано.

Тань Юмин провожал гостей, заботливо раздавая им подарки. Дядья наказывали ему беречь здоровье и не стесняться просить о помощи, обещая, что и сами приложат все усилия для поисков. Многие из них в свое время получили помощь от Шэнь Цзунняня, поэтому старшие родственники искренне к нему привязались.

Тань Юмин с улыбкой со всем соглашался.

В этот праздничный день деловые партнеры и собутыльники присылали ему поздравительные сообщения. Среди них неожиданно оказалось и сообщение от Се Чжэньлиня.

В этом году он словно в воду канул, но недавно вновь обрел известность. Он по-прежнему не связывался ни с кем из старых друзей, лишь по праздникам присылал Тань Юмину короткие эсэмэски. На этот раз он вскользь упомянул, что встретил Фан Суя в Италии.

Больше он ничего не написал, а Тань Юмин не стал расспрашивать.

Он не смел. Боялся, что финал окажется совсем не тем, какого он желал.

Фраза «Почему это обязательно должен быть именно он?», брошенная тогда, стала понятна ему только сегодня. Он осознал ее по-настоящему, целиком и полностью.

Гуань Кэчжи видела, что за ужином он всё время развлекал гостей и почти ничего не ел, поэтому взяла немного фруктов и пошла в его комнату.

Человек, который весь вечер весело болтал с родственниками, сейчас прислонился к окну и молча курил, обнимая старую плюшевую панду. На его исхудавшем лице не было ни тени улыбки.

Сигареты принадлежали Шэнь Цзунняню, они были спрятаны в шкафу. Тань Юмин впервые узнал, что тот курил тайком.

О чем он думал, когда курил? Тань Юмин боялся даже представить.

В этом году на Праздник середины осени можно было наблюдать редкое явление «кровавой луны», случающееся раз в несколько десятилетий. Лунный свет падал на спину Тань Юмина, делая его фигуру еще более одинокой, жалкой и даже... трагичной.

Гуань Кэчжи была матерью уже почти тридцать лет, но впервые испытывала такую пронзительную душевную боль и бессилие. Из-за своего ребенка, который бесследно исчез, и из-за этого ребенка, который потерял всякую волю к жизни.

Она постояла молча, наблюдая за ним, а затем мягко произнесла:

— Мин-цзай, давай мама стирает твою панду? Надо вынести её на солнце посушиться.

Тань Юмин опустил голову и понюхал панду. Она всё еще едва уловимо пахла лаймом.

— Не нужно, спасибо, мама.

Глаза Гуань Кэчжи заблестели от слез. В таком состоянии Тань Юмина больше нельзя было оставлять. Ей пришлось взмолиться:

— Тогда, может быть, мы с папой сходим с тобой к врачу? Просто поболтать. Если не хочешь идти с нами, пусть А-Сюань ходит с тобой.

Тань Юмин медленно повернул голову и посмотрел на ее измученное тревогой лицо, чувствуя себя ужасным, неблагодарным сыном.

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/17117/1621278>